к себе, «чающе ... прямые службы»,[55] вина Сильвестра усматривается в том, что он, «яко же Илии жрец, восхитихся властию», начал «совокуплятися в дружбы подобно мирским».[56] Отсюда и началось «отымание» власти у царя. Грозный с замечательной последовательностью очерчивает в письме эту антицарскую линию, проводившуюся Адашевым, Сильвестром и их советниками. Другого мотива в первом письме царя нет.

Не изменилась точка зрения Грозного и тринадцать лет спустя, когда во время победоносного похода 1577 г в Ливонию он послал с князем Александром Полубенским, начальником польских частей в Ливонии, попавшим в русский плен и отпущенным в Польшу, свое второе послание Курбскому Здесь вновь звучит прежний мотив о стремлении боярско-княжеских кругов умалить власть царя: «Тако и вы хотесте с попом Селиверстом, с Олексеем Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю Русскую землю видети; бог же дает власть, емуж хощет»,[57] в данном случае Ивану IV.

Более резко звучит только одно неясно сформулированное и прежде обвинение в какой-то неприязни московской правящей группы Сильвестра, Адашева и бояр к первой жене царя, Анастасии Романовне· «А и с женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было».[58]

Замечательно, что Курбский в своем «На вторую эпистолию отвещании цареви Московскому убогого Андрея Курбского, князя Ковельского» (1578 г) не опровергает царских слов об интригах и брожении среди бояр у постели больного Грозного, кратко отмечая: «А о Володимере брате вспоминаешь, аки бы есть мы его хотели на царство, — воистинну, о сем не мыслих, понеже и не достоин был того» [59] Курбский отвечает только за себя, не обсуждая существо сообщений Грозного. Не есть ли такой оборот в ответе Курбского косвенное подтверждение «мятежа» в марте 1553 г ? Он не мог не знать о волнениях при крестоцеловании наследнику Грозного [60] Царь писал ему о Старицких дважды, как бы вызывая на реплику. В первом письме: «Тогда убо еже от тех нарицаемия доброхоты возшаташася, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником вашим Алексеем, мневше нас в небытию быти, забывше благодеяний наших и еже и своих душ, еже отцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати· они же хотеша воцарити, еже от нас расстоящася в колене, князя Володимера; младенища же нашего, еже от бога данного нам, хотеша подобно Ироду погубити, воцарив князя Владимира ... Та же божиим милосердием, нам оздравевшим, и тако сей совет рассыпася; попу же Селивестру и Алексею оттоле не престающе, вся злая советующе и утеснение горчайшее сотворити ... князю же Володимеру во всем убо хотение удержаще».[61]

Во втором письме: «А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми извести? .. А князю Володимеру почему было бы быти на государстве? От четвертого удельного родился Что его

[55] Там же, стр 97
[56] Там же
[57] Там же, стр. 209.
[58] Там же, стр 210
[59] Н Устрялов Сказания князя Курбского, стр 203
[60] Помимо своей близости к правящей верхушке Москвы он был также в родственных, хотя и не близких, связях с Анастасией Романовной и князем Владимиром Андреевичем (Н Устрялов Сказания князя Курбского, стр 356—357, J L I Fennell The Correspondence between Prince A M Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia Cambridge, 1958, стр 212)
[61] Послания Ивана Грозного, стр 100